Иоселиани Отар

09.07.93.г.

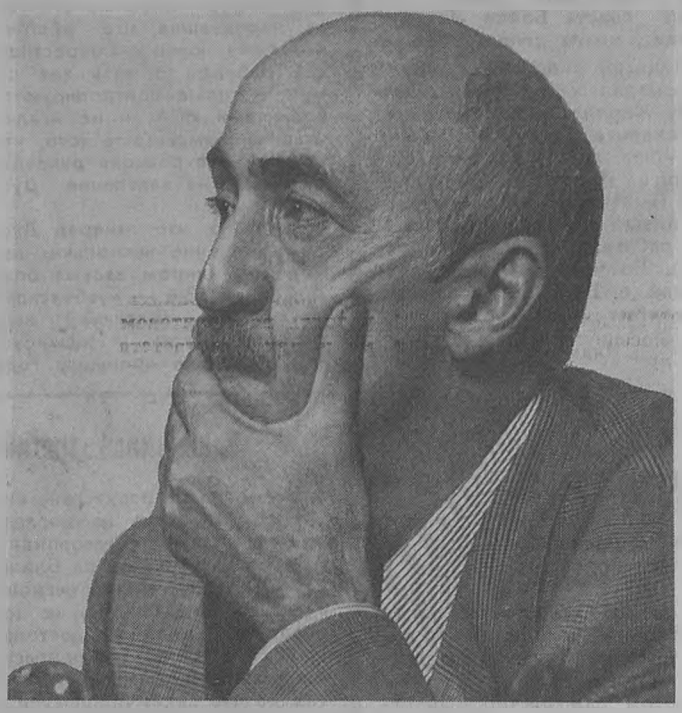
Красная звезда. – 1993 – 9 июля.

XVIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ 1993 МОСКВА

Отар ИОСЕЛИАНИ: В ПЕССИМИЗМ Я ПРОСТО ИГРАЮ

Предваряя показ «Охоты на бабочек» в рамках фестивальной программы «Панорама», ведущий пригласил на сцену Государственного концертного зала «Россия» создателя фильма и объявил: «Гость из Франции Отар Иоселиани».

Режет слух, не правда ли? Хотя уж столько лет прошло (первый свой фильм в Париже — «Семь пьес для черно-белого кино» — Иоселиани поставил в 1982 году), по-прежнему он наш. По-прежнему нас волнуют его шедевры — «Листопад», «Жил певчий дрозд», «Пастораль», сделанные в Грузии. Впрочем, грузинскими и отчасти российскими по духу представляются и его зарубежные работы, увенчанные наградами самых престижных кинофестивалей: «Фавориты луны», «И стал свет», «Маленький монастырь в Тоскане». Высоко оценена и последняя картина Отара Иоселиани «Охота на бабочек». В ней речь идет о последних днях жизни в старинном замке двух сестер, которых первая волна эмиграции забросила из России во Францию. Замок они оставили в наследство третьей сестре, ютящейся с дочерью в московской коммуналке...



— Вы как-то писали в связи с «Охотой на бабочек»: «Бессильные свидетели разрыва духовных, культурных и моральных связей поколений, мы, возможно, последние, кто помнит особый тип традиций, со своими правилами и своим искусством жить, помнит то, о чем нам успели рассказать или успели показать. И эти традиции мы в свою очередь не можем и не сможем передать. Этот фильм полон чувства невосполнимой потери...» Скажите, вы по натуре не пессимист?

— Пессимист запирается дома, отказывается есть-пить и ничего не делает. Но если вам приходится повседневно решать массу проблем, связанных с производством фильма, значит, вы работаете. А раз работаете, значит, для чего-то, для кого-то, то есть есть адрес у вашей работы. Поэтому причин серьезных для пессимизма нет. Я просто играю в пессимизм — есть такой метод в искусстве. Этот пессимизм входит в притчевую ткань того материала, над которым автор работает, и вовсе не является отражением глубокого пессимизма автора.

— Когда человек выезжает за рубеж, он оказывается в двойственном положении. С одной стороны, благодарен стране, которая приютила его, помогла выжить. С другой стороны, потихоньку накапливается раздражение против здешних нравов, порядков. Вы это не испытываете?

— Сколько бы я ни жил во Франции, французом никогда не стану. Но и раздражения к этой стране нет. «Охота на бабочек», во всяком случае, не об этом. Я снимал фильм совсем не о Франции. Мог его снять и в Германии, и в Грузии. Лучше всего было бы работать в Грузии, но ситуация там такая, что...

Сам феномен разрушения моста между поколениями достаточно широк. Эта проблема характерна и для Франции, хотя она и не пережила тех катаклизмов, которые пережили мы. Потому-то французы воспринимали эту картину как французскую. Впрочем, сказалось, очевидно, и то, что за годы, прожитые во Франции, я в какой-то степени впитал в себя ее культуру, национальный дух. Вместе с тем критика отмечала, что в картине есть что-то странное, не французское.

— Удачно сложилась ее прокатная судьба во Франции?

— В общем да. Фильм посмотрели порядка ста тысяч зрителей, что совсем не плохо для такого рода фильмов — не совсем простых для восприятия. К счастью для Франции, для французского кинематографа система показа произведений киноискусства там так организована, что своего зрителя находит как коммерческое, так и авторское кино. Если какая-то картина, обладающая художественными достоинствами, не собирает нужного количества зрителей, убытки продюсеру, прокатчику возмещают государство, фонды поддержки кинематографа. Так что продюсеры и прокатчики в известной мере заинтересованы работать с авторским кино. В России же сложилась трагическая для национального кинематографа ситуация: фильмы, которые можно отнести к произведениям искусства, все еще снимаются, но они не доходят до зрителей. Прокатчики их попросту игнорируют. Кто же тогда рискнет вкладывать деньги в их производство?

— В «Охоте на бабочек» мы вновь не увидели знакомых актерских имен...

— Начиная с первой моей картины «Апрель» я никогда не снимал профессиональных актеров.

— Почему?

— Не потому, конечно, что я дурно отношусь к профессиональным актерам, к актерской профессии. Реально существующая личность несет в себе гораздо больше заряда, чем актер, который сыграл 150 ролей и уже сам не знает, кто он такой. Вес реальной личности, ее присутствие в кадре, ее неприспособленность к лицедейству дает результат наполненности персонажа какой-то внутренней жизнью, даже если он волнуется, снимаясь. Крайне трудно добиться от профессионального актера, чтобы он придал персонажу неповторимый отпечаток реальной личности. Так что, привлекая непрофессионалов, я экономлю время.

— Персонажи ваших картин взрослеют от фильма к фильму. Это случайно?

— Не совсем. Я отдаю себе отчет в том, что каждое поколение живет и думает по-своему, и разочаровывается, и надеется не так, как предыдущее, и фактура быта у него другая. У меня нет достаточного материала, чтобы изнутри бытописать новое поколение. Если сегодня буду снимать фильм о молодых, получится белиберда. Потому что я не был ни на одной их вечеринке. Для меня загадочен круг их интересов и устремлений, их идей. Поэтому мои герои и стареют вместе со мной. Во всяком случае пожилых людей я очень люблю.

— Отар, скажите откровенно, где вам лучше работалось, в Грузии или во Франции?

— В Грузии, когда снимал «Пастораль», другие свои любимые картины. Я думаю, что то время, к великому сожалению, ушло навсегда. Той атмосферы, в которой мы работали и жили, больше не будет.

Мне предлагают вернуться на родину. Но что я могу сделать в Грузии? Нет аппаратуры, нет химикатов, люди со студии разбежались...

— Как, на ваш взгляд, будут развиваться события в Грузии?

— Я надеюсь, что произойдет чудо, и весь этот кошмар кончится.

Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ,
«Красная звезда».

Фото Александра ШАБЕЛЬНИКОВА и Владимира ХРЕНОВА.

137